

33 Ebenda, Rep. 76 Va, Sektion 1, Titel VII, Nr. 78, Bd. III, Bl. 276-279.

34 Diese Liste ist im Archiv leider nicht erhalten.

35 Schamloses Denunziantentum, in: Sächsischer Arbeiter-Zeitung, 15.2.1907.

36 Rossijskij Gosudarstvennyj Archiv Socialno-Političeskoj Istorii Moskau (RGASPI), Fond 192, Opis 1, No.247 (= Sächsisches Hauptstaatsarchiv Dresden /SHStA/ AuRenministerium, No. 4803), Bl. 19, 23.

37 Ebenda, Bl. 35-36.

38 Vgl. Sächsisches Hauptstaatsarchiv Dresden, Innenministerium, Nr. 11013, insbesondere Bl. 145-147.

39 Ebenda, Bl. 147.

40 RGASPI, Fond 276, Central'noe Bjuro Zagranicnych Grupp, Opis 2, Nr. 205, Bl. 10-13.

41 Ebenda, Bl. 1-9.

42 Ebenda, Nr. 208, Bl. 3-4.

43 Ebenda, Nr. 167, Bl. 12-18, Nr. 1939, Bl. 1-20.

44 Ebenda, Nr. 171, Bl. 5-6.

Е.Л.Петренко

О НЕИЗДАННОЙ БИОБИБЛИОГРАФИИ ТРУДОВ Г.В.ПЛЕХАНОВА

Долгие годы в сейфе библиографического зала Государственной общественно-политической библиотеки хранилась подготовленная к изданию рукопись уникальной библиографии сочинений Г.В.Плеханова. Она называлась «Г.В.Плеханов. Био-библиографический указатель» (редактор - директор Института К.Маркса и Ф.Энгельса Д.Б.Рязанов, выход в свет запланирован на 1934 г. в Госиздате; отработан экземпляр корректуры). Однако труд Вагаршака Арутюновича Тер-Ваганяна¹ (1893-1936) так и не увидел свет. Да и имя автора – директора кабинета Г.В.Плеханова в Институте К. Маркса и Ф.Энгельса - возникло из небытия только в годы горбачевской «перестройки»², точнее, в июне 1988 г., когда Пленум Верховного суда СССР удовлетворил протест Генерального прокурора СССР по делу «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра», отменил приговор Верховного суда СССР, и дело было прекращено за отсутствием состава преступления.

Тер-Ваганян пришел в науку в 1920 г., став сотрудником Института К.Маркса и Ф.Энгельса. По своим теоретическим воззрениям – марксист, сторонник диалектического материализма (исторический материализм ему казался теорией «партикулярной», сужающей перспективы марксистского анализа), научного социализма и коммунизма. Уровень его теоретической аргументации не слишком высок. Он характерен (за немногими исключениями) для 1920-х гг., когда в гуманитарную науку «по партийному призыву» пришло немало бывших профессиональных революционеров. Они развернули «новый фронт» борьбы – за утверждение марксистского мировоззрения, теоретических истин марксизма в истории, политэкономии, философии. Большинство среди этих борцов «идеологического и теоретического фронта» исходило из тезиса о марксизме как истине в последней инстанции. В этой ситуации было важно доказать, что развитие марксистского знания – есть движение от аргументов Маркса и Энгельса к учению Ленина. Интересы Тер-Ваганяна как историка сосредоточились на периоде становления российской социал-демократии и большевизма. Опыт эволюции социал-демократической традиции воплотился для него в творчестве Г.В.Плеханова.

Биографию Тер-Ваганян считал «самым трудным видом истории»³. Именно с этих позиций он и строит свою исследовательскую работу в Институте К.Маркса и Ф.Энгельса. В его стенах произошла встреча Тер-Ваганяна и его директора Д.Б.Рязанова, одного из самых пронизательных исследователей наследия Плеханова. Он оценил интерес, проявленный Тер-Ваганяном к творчеству Плеханова, вскоре в Институте создается Кабинет Плеханова.

Прежде всего, это библиотека, коллекция книг, документов, архивных материалов.

Все это «работало» на издание 24-томного собрания сочинений Г.В.Плеханова, которое готовили Рязанов и Тер-Ваганян. Шел процесс собирания источников, классификации идей и аргументов, периодизации этапов духовной эволюции одного из основоположников «русского марксизма». Промежуточным итогом в этой работе стало появление в 1923 г. работы Тер-Ваганяна «Опыт библиографии Г.В.Плеханова»⁴. Предисловие редактора составил Д.Б.Рязанов, авторское – написал Тер-Ваганян. Благодаря вкладу в плехановедение 1920-х гг. Рязанова и Тер-Ваганяна удалось зафиксировать связующие линии между воззрениями Маркса и Энгельса и ленинскими трактовками вопросов теории и практики социалистической революции. Это касается и базовых проблем – о возможности осуществить демократическую революцию в России – периферии Европы; о переходе от буржуазно-демократического к собственно пролетарскому этапу социальной революции в эпоху промышленного капитализма. Кроме того, это комплекс тем, связанных с поиском союзников пролетариата, предпосылок революции, диалектики насильственного и мирного путей продвижения к власти пролетариата и его партии. Одним из таких объединяющих звеньев стало творчество Г.В.Плеханова. Он стоял у истоков формирования марксистской традиции в освободительном движении в России, создал первую марксистскую организацию – «Группу «Освобождение труда»». Эволюция взглядов Плеханова, его отношения к различным направлениям освободительного движения в России – либерализму, народничеству, анархизму очертила то пространство мысли, в котором совершалось развитие взглядов Ленина, Сталина, а также многих других лидеров меньшевизма и большевизма. Не случайно многие современники Октября в оценке политических новаций Ленина придерживались тезиса «Плеханов – теоретик, Ленин – практик», «в институте Маркса и Энгельса должен существовать кабинет Плеханова, уголок в котором по праву займет Ленин». Забвение позиции Плеханова в теории и практике социал-демократического движения в России означало и выпадение из сознания политической элиты тех лет многих существенных моментов в политической и теоретической конфронтации большевизма и меньшевизма, социал-демократизма и легального марксизма, что вело к схематизации реальной истории, к иллюзии об осуществлении социально-политических идеалов Маркса и Энгельса в политической истории России в первые десятилетия XX в.

И Рязанов, и Тер-Ваганян исходили из того, что «время не ждет». Научная обработка и критика материала истории революционной теории и практики вряд ли состоятельна, если она не опирается на факты и документы. В предисловии редактора к «Опыту библиографии Плеханова» Рязанов писал, что «без фактов, без документов, предварительно собранных, проверенных, исследованных никакая научная работа. Из пальца можно высосать только новую комбинацию слов, иногда звучащих по-новому, но быстро исчезающих в историческом пространстве... Такими фактами, такими документами являются события, определившие жизнь того или иного мыслителя, и произведения, в которых под влиянием – косвенным или непосредственным этих событий кристаллизовались его мысль, его настроения, его планы»⁵. Обращаясь к классикам марксистской теории революции – будь то Маркс или Плеханов, нельзя адекватно осмыслить и оценить его аргументы, не учитывая «основных дат его жизни, полного перечня его произведений, данных о том, какой отклик они вызвали в определенной исторической среде, какими путями они распространялись»⁶. Такого рода исследовательскую работу Рязанов и его сотрудники называли «биобиблиографией». Они сознавали, что биобиблиография требует «большой затраты энергии, большой кропотливости в розысках, но, раз сделанная, она, даже в том случае, если проделавший ее по каким-нибудь причинам не в состоянии был сам обработать этот материал, представляет большую научную ценность. Она является исходным пунктом для работ других исследователей, дополняющих и проверяющих ее, чтобы сделать из нее необходимое пособие для научного исторического исследования»⁷. В созданном Д.Рязановым Институте К.Маркса и Ф.Энгельса таким библиографическим и биобиблиографическим разработкам придавалось особое значение. По мысли Рязанова, они должны сосредоточиваться не только на творчестве отдельных теоретиков – Маркса, Энгельса, Плеханова, Каутского, но и на теоретических проблемах и географии распространения той или иной идеи и концепции»⁸.

В подготовленный Тер-Ваганяном первой в нашей стране биобиблиографии Плеханова («Опыт биобиблиографии Г.В.Плеханова») было зафиксировано большинство сочинений из опубликованного наследия Плеханова, в прилагаемых к сочинениям аннотациях давалась история создания работы. Все это дополнялось хроникой событий, имеющих решающее значение для литературной деятельности. Учитывались отклики на выступления Плеханова, выделялись статьи и заметки, содержащие оценки его деятельности. Прилагались некрологи, юбилейные статьи, в подстрочниках напечатаны тексты ряда документов. Кроме того, представлены списки псевдонимов Плеханова, перечень периодических изданий, в которых он сотрудничал. Первый вариант биобиблиографии не был свободен от недостатков. О них говорил и сам составитель⁹. Главный изъян — неполнота, не были учтены многие издания работ Плеханова в разных странах, далеко не все отклики и отзывы оказались доступны.

Корректурный экземпляр, предлагаемый вниманию читателей, свидетельствует о том, что биобиблиография, подготовленная Тер-Ваганяном к изданию в начале 1930-х гг., является значительно более масштабным исследованием. В нем реализованы все обозначенные установки по созданию биобиблиографий. Эта работа охватывает, однако, не только факты, связанные с работой Плеханова над тем или иным сочинением, публикацией и откликами на него. Тер-Ваганян занят поисками печатных комментариев и документальных фактов, подтверждающих факты биографии Плеханова в целом. По сравнению с «Опытом библиографии» в тексте существенно расширены документальные ссылки, перечень фактов, источников. Хронологически биобиблиография продолжена до 1929 г. Детально расписаны материалы, связанные с празднованием пятилетней и десятилетней годовщины смерти Плеханова (в СССР и за рубежом). Представлена библиография работ политических мыслителей русского зарубежья, переоценивавших творчество Плеханова в контексте эволюции теории и практики марксизма-ленинизма, СССР к сталинизму. Новым моментом является попытка Тер-Ваганяна иллюстрировать документами и ссылками на источники все более или менее значительные факты из жизни Г.В.Плеханова. В биобиблиографии, как и в «Опыте библиографии», хронологической точкой отсчета является 1856 г., год рождения Плеханова. Но если в «Опыте» это просто констатация факта, то в биобиблиографии он приводит выписки из метрической книги. Дана сноска на ее публикацию в журнале «Каторга и ссылка» (1928. № 5). Перечислены авторы, сведения которых о детстве Плеханова нуждаются в проверке. Выделены свидетельства и оценки, заслуживающие внимания. Приводятся ссылки на публикации о Воронежской военной гимназии (бывшего Михайловского кадетского корпуса), в которой учился Плеханов. Приведены исследования по истории Тамбовской губернии тех лет.

Еще один пример. Комментируя речь Плеханова на демонстрации у Казанского собора (6 декабря 1876 г.), Тер-Ваганян классифицирует это событие как знаковое для 1876 г. и связывает с начальным этапом его революционной деятельности. Он называет работы, где можно найти комментарии Натансона, Аптекмана, Михайловского. Обсуждает высказанное А.Н.Потресовым мнение об определяющем влиянии П.Б.Аксельрода на политические воззрения Плеханова в те годы, ссылается на брошюру П.Б.Аксельрода «Накануне», опубликованную в 1917 г. Суммирует противоположные точки зрения. Отмечает позицию, озвученную Л.Г.Дейчем в его работе о Плеханове (Дейч Л.Г. Г.В.Плеханов. М., 1923). Приводит данные о работе Плеханова в кружках, участии в сходах; документально подтверждает факт исключения Плеханова из числа студентов Горного института «за невозможность платы», приводит номер документа (Постановление № 51 от 27 сентября 1876 г.). Факт первого публичного выступления Плеханова Тер-Ваганян подтверждает ссылками на информационное сообщение о демонстрации (опубликовано в «Правительственном вестнике» № 1/276 от 9 декабря 1876 г., рассказом самого Плеханова в его статье «Русский рабочий в революционном движении»). Кроме того, приводятся в качестве источников мемуары П.Б.Аксельрода, воспоминания В.Фигнер, М.Н.Покровского. Оценки предлагается искать в статье Ю.Мартова «Юбилей казанской площади в Санкт-Петербурге», опубликованной в «Искре». Тер-Ваганян специально выделяет рубрику «Речь на демонстрации», где приводит текст листовки и ее последнюю перепечатку (в «Историко-революционном сборнике»), считает важным привлечь внимание исследователей к полемике, развернувшейся между

Плехановым и П.Г.Заичневским по поводу действий «Земли и Воли» в последующие дни, 7-8 декабря. Так же тщательно Тер-Ваганян разбирает практически все события и даты. И все же, более всего его привлекают (и это видно по тексту биобиблиографии, по числу систематизированных фактов, событий и приведенных источников) эволюция Плеханова от народничества к марксизму, его деятельность в группе «Освобождение труда», эпоха первых съездов РСДРП, выработка политической стратегии и принципов организации партии в годы первой русской революции, споры о формах политической борьбы за социализм, отход от большевизма, поиск новых форм политической организации пролетариата в социал-демократической партии¹⁰.

Работая над биобиблиографией, Тер-Ваганян не мог не учитывать идеологических ограничений, которые налагала на автора политическая ситуация в стране. По тексту видно, как, начиная с 1924-25 гг., разворачивается процесс изоляции исследователей в СССР от марксистов небольшого исторического ориентации; в тексте все меньше упоминаний о зарубежных публикациях на тему «Плеханов»¹¹. Несмотря на пропуски, отсутствие некоторых авторских правок и новых редакций статей из политико-публицистического наследия Плеханова, опубликованных за границей, в том числе, посмертно¹², биобиблиография Тер-Ваганяна не теряет своей ценности. Это не только документ эпохи, позволяющей судить о степени несвободы исторических исследований в СССР тех лет, особенно, если они связаны с идеологией и политикой. Эта работа ценна и в плане теории. Она показывает нестыковки, которые возникают в социально-политическом знании даже в самом первом приближении – в систематизации фактов. Не случайно в оценках плехановского творчества так радикально разошлись его авторитетнейшие исследователи в 1920-е гг. – Б.И.Николаевский и В.А.Тер-Ваганян. Для первого идейная эволюция Плеханова является прообразом утверждения меньшевизма как единственно жизненной версии марксистской теории и практике в России; для второго творчество Плеханова – образец революционного марксизма, отрицающего авторитаризм сталинской модели политической власти в послеоктябрьской России. Во второй половине 1920-х гг., по мере того, как формировался культ Ленина и ленинизма, росло влияние Сталина, не испытывающего симпатий к Плеханову, уважительное отношение к аргументам «первого русского марксиста» сменяется критикой его ошибок¹³. В декабре 1927 г. на XV съезде ВКП(б) Сталин говорил о том, что после раскола РСДРП Плеханов, (а также Мартов и Аксельрод) «выпали из тележки» партийного руководства, что имело положительное значение для судеб русской революции¹⁴. Через три года появилась директивная установка Сталина: «Плеханова надо разоблачить». Он всегда свысока относился к Ленину¹⁵. Между тем собирая свою личную библиотеку, Сталин поставил произведения Плеханова в списке на пятом месте после работ К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина, К.Каутского. Сталин понимал, что многие эпизоды из политической и творческой биографии Плеханова – полемика с ревизионизмом, народниками, А.А.Богдановым, работа в «Искре», выступления на II съезде дополняют идеологический арсенал партии. Однако Плеханов как меньшевик и оборонец вряд ли мог рассчитывать на его снисхождение. И когда издание его сочинений под редакцией Д.Б.Рязанова подошло к 25 тому, в котором были собраны произведения 1914-1918 гг., оно было прервано. На восьмом выпуске было прекращено, вследствие начавшейся Великой отечественной войны, издание документального сборника «Литературное наследие Г.В.Плеханова».

Возрождение интереса к Плеханову всегда связано с некими переломными моментами в общественной жизни России, поиском новых путей и практик в политике. Аргументы Плеханова – его размышления «за» и «против» стратегии европеизации для России, демократии и диктатуры, партийного авторитаризма и плюрализма мнений актуальны и сегодня. Следовательно, востребована и документальная основа для их анализа, представленная в биобиблиографии В.А.Тер-Ваганяна, воссозданной сегодня на CD.

1 Часто он публиковался под именем В.А.Ваганяна; оно же фигурирует и в большинстве справочных изданий.

2 См. подробнее: Крылов В.В. Имя, изъятное из энциклопедии (О В.А.Тер-Ваганяне)//Советская библиография. 1990. № 3. С. 61-71.

3 Там же.

4 См.: Тер-Ваганян В.А. Опыт библиографии Г.В.Плеханова. С предисловием Д.Рязанова. М.: Пг., 1923.

5 Д.Рязанов. Предисловие редактора//Тер-Ваганян В.А. Опыт библиографии Г.В.Плеханова. М.; Пг., 1923.

- С. 3.

6 Там же.

7 Там же. С. 3-4.

8 Примечательно, что, несмотря на многолетние преобразования фрагменты этой работы, проделанной сотрудниками и учениками Д.Рязанова, сохранились и сегодня – в виде некоторых каталогов Государственной общественно-политической библиотеки, унаследовавшей фонды Института К.Маркса и Ф.Энгельса.

9 См.: Предисловие автора // Тер-Ваганян В.А. Опыт библиографии Г.В.Плеханова. С. 5-6.

10 Тер-Ваганян не принял критики Плеханова в адрес Ленина, опыта Октября и большевизма. Но он не сомневался в искренности плехановских суждений и оценок, воздерживался по мере возможностей от обвинений в ренегатстве. Об этом свидетельствует и текст фундаментальной, но незаслуженно забытой монографии Тер-Ваганяна «Г.В.Плеханов. Опыт характеристики социально-политических воззрений» (1924).

11 К публикации были запрещены все произведения Плеханова, содержащие критику большевизма. 12 На это указывает и Б.И.Николаевский, активно участвовавший в пополнении фондов и коллекций Института К.Маркса и Ф.Энгельса. Его интересовали и коллекции Кабинета Плеханова. Несмотря на существовавшие между ним и Тер-Ваганяном принципиальные расхождения (а, может быть, именно благодаря им) в оценках творчества Плеханова и его роли в политических судьбах России в первые десятилетия XX в., Николаевский тщательно отслеживал все появляющиеся в России материалы о Плеханове и обращал внимание Д.Б.Рязанова на них, не считая возможным для себя вступать в непосредственные контакты с Тер-Ваганяном.

13 См. об этом подробнее: Тютюкин С.В. Г.В.Плеханов: судьба русского марксиста. М., 1997. С. 3-15.

14 См.: Сталин И.В. Сочинения. Т. 10. С. 369.

15 Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия // Октябрь. 1988. № 12. С. 64-65.

W. Hedeler

PLECHANOV UND DIE BERICHTERSTATTUNG ÜBER RUSSLAND IN DER „NEUEN ZEIT“ VON 1904-1908

Zu den Quellen, die über die Vorgeschichte, den Verlauf und die Nachwirkungen der russischen Revolution von 1905 Aufschluss geben, gehören auch die überlieferten 14 Briefe, die Georgi Plechanov und Karl Kautsky einander von Mai 1904 bis Juni 1908 schrieben. Ihre Korrespondenz enthält aufschlussreiche Hinweise auf die vielfältigen Kontakte zwischen russischen und deutschen Sozialdemokraten und die nicht immer einfache Gestaltung ihrer Beziehungen.

Die in dieser Zeit begonnene Beschäftigung und Auseinandersetzung der Deutschen mit den Ereignissen in Russland und deren Auswirkungen auf die Arbeiterbewegung fand nach dem Februar 1917 ihre Fortsetzung. Zahlreiche, in beiden Parteien nachweisbare Diskussionslinien – wie die über eigene Wege zum Sozialismus, das Parteiprogramm, den Verlauf der Weltrevolution, das Verhältnis von Demokratie und Diktatur – reichen bis 1905 zurück. Die Haltung vieler Akteure zur Revolution 1917 wird klarer, wenn die Debatten aus der Zeit der ersten russischen Revolution Berücksichtigung finden.

Leider steht eine Untersuchung der Rezeption der 05er Revolution durch deutsche Sozialdemokraten, die mit Uli Schülers Untersuchung über die Beschäftigung mit der Revolution von 1917 in der SPD „Despotischer Sozialismus“ oder „Staatssklaverei“ vergleichbar wäre, immer noch aus.¹

Eine aus der Beschäftigung mit der Berichterstattung deutscher Sozialdemokraten über die russischen Ereignisse resultierende Fragestellung zielt auf die Person Plechanovs. Im Juli 1904 erschien im Auftrag des SPD-Verlages Plechanovs Broschüre „Anarchismus und Sozialismus“². Es war nicht das erste Buch Plechanovs, der in der SPD den Ruf eines „kompetenten Berichterstatters“ genoss. In Anbetracht dieser Wertschätzung ist die Frage berechtigt, warum im genannten Zeitraum nur ein einziger Artikel von ihm in der „Neuen Zeit“, dem theoretischen Organ der SPD, erschien. Andere deutsche und russische Autoren, die sich zur Entwicklung in Russland aussem, sind weitaus häufiger vertreten. Eine, wenn auch nicht hinreichende Erklärung ist die Monopolstellung